

ОТЗЫВ

официального оппонента
о диссертации Ю.В. Роговневой
"Коммуникативно-функциональный анализ нефикциональных репродуктивно-
описательных текстов",
представленной на соискание ученой степени
кандидата филологических наук по специальности 10.02.01 – Русский язык

Представленное к защите диссертационное исследование Ю.В. Роговневой выполнено в рамках концепции коммуникативной грамматики (КГ, современная лингвистическая школа под руководством Г.А. Золотовой) и соединяет анализ моделей предложения, анализ лексического наполнения модели предложения и анализ текстового фрагмента. В центре внимания автора – особенности реализации перцептивного модуса как определенной психической установки говорящего при производстве нефикциональных текстов; перцептивный модус задает определенную модель речевой деятельности (коммуникативный регистр речи), которая воплощается в текстовых фрагментах репродуктивного регистра речи (отсюда репродуктивно-описательные тексты в названии диссертационной работы).

Автор диссертации справедливо отмечает, что теоретическая база коммуникативной грамматики разрабатывалась на основе анализа культурно значимых текстов – на текстах русской художественной литературы.

Организация художественного текста такова, что в нем соединяются фрагменты разной временной характеристики – актуального времени, неактуального времени (узуальные и однократные события) и всевременные (значение времени «всегда и везде»), соответственно синтаксическая композиция художественного текста предполагает соединение и чередование разных коммуникативных регистров речи. Отвлекаясь от деталей, можно сказать, что в основе регистра как понятия текстовой грамматики лежат глагольные категории модальности и времени. Основной проблемой при анализе текста становится разграничение репродуктивного и информативного регистров, т.е. сенсорно и ментально обусловленных фрагментов. При этом одним из способов разграничения

становится ответ на вопрос: кому принадлежит точка зрения (автору; персонажу; автору, персонажу и читателю) и, следовательно, кому принадлежит 1-е лицо, Я (внутренняя точка зрения по Б.А. Успенскому)? Обе эти категории – времени и лица – очень существенны для характеристики фрагмента как репродуктивного. Упрощая, можно сказать: 1-е лицо должно соотноситься с перцептивным модусом (т.е. Я должно занимать позицию наблюдателя, сенсорно воспринимающего действительность – зрением, слухом, обонянием и т.п.), а время обязательно актуальное.

Автор представленной к защите диссертации Ю.В. Роговнева избрала в качестве объекта исследования нехудожественные тексты-описания, созданные обучаемыми (студентами вузов) по заданию исследователя в ходе эксперимента в условиях совпадения времени речи (письма) и времени наблюдения, т.е. по замыслу автора диссертации относящиеся к репродуктивному регистру.

Нехудожественные тексты уже получали рассмотрение в исследованиях авторов, работающих в школе коммуникативной грамматики Г.А. Золотовой. Речь идет о серии статей и докладов по онтолингвистике, посвященных грамматике детских школьных сочинений (авторы: Н.К. Онипенко¹ (2004, 2011, 2012), Е.Н. Никитина (2012)); кандидатская диссертация Чо Ми Рюнг «Русские предложения в условиях репродуктивного регистра речи (в сопоставлении с корейским языком)» (2001, ИРЯ РАН), дипломная работа Ф.В. Моисеенко «Коммуникативно-грамматический анализ текстов футбольных репортажей» (2011, Севастопольский филиал МГУ). При изучении нефикциональных текстов одним из самых интересных является вопрос о соотношении информативности/репродуктивности. В результате авторы приходят к выводу о базовом, исходном характере информативного регистра речи. Репродуктивность возникает как особый изобразительный прием; в частности, дети не владеют или мало владеют репродуктивной техникой.

1

¹ См., в частности, работы Н.К. Онипенко: О возможностях применения идей коммуникативной грамматики в онтолингвистике 2004; Объяснительная сила современных грамматических концепций и детская речь 2011; Статика пространства, фигура наблюдателя и пространственный дейксис в свете онтолингвистики (о грамматике текстов-описаний) 2012.

Вероятно, по этой причине автору диссертации пришлось сформулировать задание, ограничивающее участников лингвистического эксперимента не только тематически (описание предмета, лица, пространства), но и в выборе языковых средств, что, по-видимому, должно было способствовать насыщению текстов репродуктивными характеристиками. См., например, одну из формулировок задания: «Опишите то, что вы видите на фотографии, учитывая только те признаки, которые вы можете действительно увидеть. Нельзя использовать оценку и элементы знания и предположения», с. 82.

Тем самым, **новизна** работы состоит в том, что в научный обиход вводится особый тип сконструированных (искусственных) текстов, которые каузированы разной коммуникативной ситуацией: непосредственное наблюдение, воспоминание; разной денотативной сущностью предмета описания: человек, пространство, предмет;

лексико-синтаксическая организация этих текстов изучается с применением методологии и терминологии КГ;

проведенное исследование развивает некоторые положения концепции коммуникативной грамматики.

Автор диссертации ставит перед собой и решает **актуальные** исследовательские задачи:

- Разработка лингвистического эксперимента, учитывающего различные коммуникативные ситуации и различные денотативные ситуации (описание лица, предмета, локуса);
- Анализ полученных в ходе эксперимента текстов по четырехступенчатой схеме анализа текста Г.А. Золотовой с использованием основных исследовательских инструментов коммуниктивно-функциональной грамматики;
- Оценка работоспособности четырехступенчатой схемы анализа и основных исследовательских инструментов коммуниктивно-функциональной грамматики применительно к репродуктивным текстам, созданным в условиях реального совпадения времени речи (письма) и времени наблюдения.

Эти задачи обусловили структуру диссертационной работы: диссертация состоит из введения, двух глав (первая включает три раздела, вторая – пять), заключения, библиографии (100 работ) и двух приложений – текстового и иллюстративного, что вполне соответствует требованиям, предъявляемым к квалификационным работам данного уровня. Во Введении обосновывается актуальность темы диссертации, определяются предмет и объект, цели и задачи исследования, его новизна, теоретическая и практическая значимость. Первая глава посвящена понятиям функционализма в отечественной и западной лингвистике, понятию коммуникативности. Возводя историю функционализма в лингвистике к идеям Пражского лингвистического кружка, автор диссертации подробно останавливается на различных классификациях направлений функционализма в современной лингвистике, которые представлены в работах различных исследователей (В.З. Демьянков, А.А. Кибрик, М.Ю. Сидорова). Таким образом, концепция коммуникативной грамматики представлена в контексте современных лингвистических школ и концепций. Правда, автор не всегда формулирует свое собственное мнение по поводу обсуждаемых тем. Например, это касается функционализма в не тексто-ориентированных грамматиках, функционализма в языковой системе и в речи, тексте (ПЛК, ТФГ А.В. Бондарко). Предпочитая пересказ, автор придает таким образом вступительной главе обзорный характер. Центральная часть первой главы посвящена изложению основных положений и обсуждению понятий коммуникативной грамматики Г.А. Золотовой: форма и функция языковой единицы, коммуникативный регистр, репродуктивный/ информативный регистр, рематическая доминанта.

Вторая глава состоит из пяти разделов: (1) описание лингвистического эксперимента, (2-4) три раздела по количеству денотативных сущностей, послуживших темой для текстов-описаний, (5) анализ тема-рематического членения в экспериментальных текстах. В главе подробно проанализированы результаты, дана характеристика моделей предложения, составляющих полученные в ходе эксперимента тексты, с точки зрения лексического состава,

статики/ динамики,
именного/ глагольного характера наполнения моделей,
соотношения перцептивного/ ментальных модусов (репродуктивного/
информативного регистра),
рематических доминант.

Текст хорошо структурирован, главы в частях завершаются выводами. К несомненным достоинствам диссертации является то, что она выполнена на стыке наук – лингвистики, когнитивистики, психологии. Автор обнаруживает знакомство с работами по лингвистике и психологии на иностранных языках, цитирует зарубежных авторов в оригинале, что несомненно украшает исследование.

К наиболее значимым и ценным наблюдениям, приемам и выводам, полученным в ходе исследования можно отнести следующее:

1) Ю.В. Роговнева убедительно показала, что «на основе непосредственного наблюдения» могут быть созданы тексты или фрагменты текстов, обусловленные ментальным модусом, т.е. принадлежащие информативному регистру (см. разделы 2-3 главы 2 – статистика сочинений, характеристика информативных вкраплений).

2) Интересны выявленные закономерности выбора говорящим моделей предложения в зависимости от денотативного типа предмета описания:

Описание человека – модели с типовым значением качества лица, положения лица в пространстве и действия лица.

Описание места – модели с типовым значением локализованного наличия предмета в пространстве, ориентации предмета в пространстве и качества.

Описание предмета – модели с типовым значением количества, качества и ориентации в пространстве.

3) В том же духе интересны соотношения между денотативным типом предмета описания и морфологизованной рематической доминантой, организующей связность текста/ текстового фрагмента.

Описание человека – фрагменты с качественной, статуальной и акциональной рематическими доминантами.

Описание места – фрагменты с предметной и качественной рематическими доминантами. В текстах выделяется и локативная доминанта, однако это единичные нерегулярные случаи.

Описание предмета – фрагменты с качественной и количественной рематическими доминантами.

Для описаний предмета убедительно обосновано предложение использовать выражение «качественно-количественная доминанта», так как «...в большинстве текстов характеристика качества и количества может быть в пределах одного фрагмента и даже одной конструкции».

4) Анализируя структуру именных (безглагольных) предложений типа *Слеба лестница, На голове цилиндр*, автор диссертации, уйдя от понятий подлежащее – сказуемое, субъект – предикат, аккуратно пользуется парой понятий «данное» – «новое»: «... для говорящего наиболее важным является разделение описываемого объекта на «данное» и «новое»» (с. 162 и ранее). Тем самым автору удается проанализировать данные своего эксперимента, не включаясь в полемику о способах выражения подлежащего, о предложениях неподлежащно-сказуемостной структуры и т.п.

Выскажу несколько соображений в плане полемики и вопросов.

1) Делая выводы о регистровой принадлежности именных предложений с адъективами, автор исходит из убеждения, что если в состав предложения включено прилагательное оценочное, то предложение информативно, если прилагательное констатирующее и располагает зрительно воспринимаемой семантикой, то предложение репродуктивно (см. примеры: *У нее карие глаза, прямой нос; Волосы светлые - На ней элегантный пиджак; на пальце красивое большое кольцо; Здание не очень красивое*).

Сравним пару: *У него уродливый лоб* (с оценочным прилагательным) – *У него высокий лоб* (с прилагательным зрительной семантики). Поскольку части тела и некоторые их атрибуты – постоянная и неизменная характеристика человека, признак *высокий лоб* не осмысляется как актуальный. Высказывание *У него высокий лоб* воспринимается во временной и долговременной статике, т.е. информативно. Это означает, что неактуальная семантика времени (в данном

случае зависящая от постоянства признака) подавляет перцептивную семантику прилагательного таким же образом, как в предложении *Она носит высокие каблуки* итеративная семантика глагола *носить* выводит предложение в информативный регистр.

С другой стороны, *у него горячий лоб* будет осмысляться репродуктивно, так как температурная характеристика, лихорадочное состояние быстро сменяемо, подвижно во времени.

Для аналогии приведу пример лингвистической полемики. Она касается вопроса о Наблюдателе в семантике глагола *выглядеть*. Так, при лексеоцентричном подходе для Е.В. Падучевой речь идет о перцептивной семантике глагола в силу его толкования, а именно: в нем обнаруживается сема личного субъекта, делающего вывод на основании *зрительного впечатления*. При подходе от предложения и его текстовой предназначенности обнаруживается, что предложения с этим глаголом обслуживают модус полагания (мнения), т.е. один из ментальных модусов: *Вася выглядит странно, смущенным = мне кажется, что Вася....* (Более того, чисто перцептивная лексика не соединяется с данным глаголом: *Вася выглядит красным*.)

Представляется необходимым более строго определение критериев перцептивности применительно к конкретным текстовым фрагментам.

2) Возвращаясь к проблеме репродуктивности в тексте, выскажу предположение, на которое меня натолкнуло чтение диссертационной работы. Похоже, что граница перцептивности/ информативности может быть сформулирована в терминах семантики времени: репродуктивный эффект получаем там, где имеет место подвижность, сиюминутность признака. Ведь неотъемлемая характеристика репродуктивного регистра – это актуальность времени. Чтобы включить время, нужно его движение, поток. Основным средством включения, актуализации времени является глагол конкретно-перцептивной семантики. *Ее глаза сияют, Она хмурится*. Однако подтолкнуть время можно и неглагольными средствами, например, существительным, обозначающим необязательный предмет: *На плече – большая сумка* (ср. информативное: *на плече – шрам*).

То же замечание следует отнести и к описанию пространства; предложения типа: *На потолке лампы; Возле колонн расположены скамейки* – сомнительны в плане репродуктивной характеристики.

Автором выдвигался критерий репродуктивности: «чтобы предикативная единица функционировала в репродуктивном регистре, в ее составе не должно быть ни одного показателя информативности; чтобы предикативная единица функционировала в информативном регистре, в ее составе должен быть хотя бы один показатель информативности» (с. 13). Но как измеряется репродуктивность, объяснено не было, поэтому решения в части случаев в пользу репродуктивности принимались произвольно, без доказательств.

3) Если вернуться к описанию в рамках художественного текста, то можно задаться вопросом: а как статические (неподвижные во времени) модели уживаются в репродуктивном фрагменте?

И царевна очутилась
В светлой горнице; кругом
Лавки, крытые ковром,
Под святыми стол дубовый,
Печь с лежанкой изразцовой.
Видит девица, что тут
Люди добрые живут.

В таком случае течение времени создается временем развития сюжета (царевна входит в горницу) и временем мысли героини. Сюжет развивается в актуальном времени и мысль сиюминутна. Статика пространства живет в актуальном времени репродуктивного регистра.

Тем самым, оживляться именные модели могут не только за счет диктальных составляющих (включенных в состав предложения), но и на уровне текста с помощью модуса.

4) Возникает вопрос: насколько репродуктивность может выражаться в описаниях фотографии или предметов искусства (живописи, статуй и т.п.). Ведь репродуктивный регистр в классическом варианте характеризуется тождеством пространства-времени героя и наблюдателя, а в случае таких произведений

герой и наблюдатель разделены, существуют в разных пространствах и/ или разных временах. Можно ответить, что репродуктивность в них неполная. В них нет места тому, что М.Ю. Сидорова назвала частноперецептивным модусом, т.е. восприятием с помощью слуха, обоняния и т.п.: пространственные произведения искусства мы воспринимаем только зрением.

Еще одно соображение об отношении разных жанров пространственных искусств к репродуктивности я сформулирую в виде вопроса к соискателю.

Вопросы к соискателю:

- 1) Были ли у Вас причины для отказа от того, чтобы в ходе эксперимента предложить студентам описать некоторый объект (не задавая ограничений по «перецептивности»), а затем характеризовать тексты с точки зрения регистровой принадлежности, выделяя в них репродуктивные и информативные композитивы (фрагменты)?
- 2) Если бы Вам предложили комплексный анализ текста по четырехступенчатой модели Г.А. Золотовой, то на каком из этих уровней Вы бы стали анализировать роль фонетической организации текста (например, в стихотворениях Пастернака или Есенина)? Означает ли Ваше усовершенствование модели Г.А. Золотовой то, что перед нулевым уровнем допредикативного (синтаксемного) анализа следовало бы задать еще один – донулевой уровень для фонетики?
- 3) Как можно соотнести используемое Вами сочетание «модель видения действительности» с термином «модус» (Ш. Балли, Н.Д. Арутюнова)?
- 4) Если обсуждать проблему регистровой принадлежности нефикциональных текстов, созданных на основе непосредственного наблюдения, к какому регистру следует отнести такой фрагмент из протокола медицинского осмотра: *Язык чистый, живот мягкий безболезненный. Дыхание ровное. Пульс учащенный?*
- 5) Если развивать предложенный Вами подход – анализ текстов, созданных на основе наблюдения картинки действительности, то можно ли говорить о

большей/ меньшей склонности к репродуктивности в текстах-описаниях по произведениям разных живописных жанров – портрета, жанровой сценки, интерьера? Или они будут представлять одинаковое отношение к коммуникативному регистру?

б) Как бы Вы регистрово охарактеризовали такое четверостишие? Работает ли здесь Ваш критерий репродуктивности?

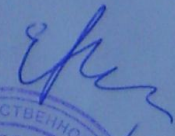
ЦАРСКОСЕЛЬСКАЯ СТАТУЯ

Урну с водой уронив, об утес ее дева разбила.
Дева печально сидит, праздный держа черепок.
Чудо! не сякнет вода, изливаясь из урны разбитой;
Дева, над вечной струей, вечно печальна сидит.

Высказанные замечания не изменяют общей положительной оценки работы, а вопросы, скорее, являются поводом для дальнейшего обсуждения названных проблем.

Автореферат и опубликованные работы адекватно отражают содержание диссертации. Представленная к защите диссертация является научно-квалификационной работой, в которой содержится решение научной задачи, имеющей существенное значение для изучения закономерностей в выборе говорящим синтаксических моделей и лексики в условиях непосредственного наблюдения, и соответствует всем критериям пп. 9, 10 «Положения о порядке присуждения ученых степеней» ВАК РФ, а автор, Ю.В. Роговнева, заслуживает присвоения ей искомой ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.01 — русский язык.

Ведущий лингвист
ООО Компьютерные системы ЛКС
кандидат филологических наук

Е.Н. Никитина

Подпись Е.Н. Никитиной заверяю

Директор ООО «Компьютерные системы ЛКС»

В.Н. Спивак
17 марта 2016 года

Сведения о составителе отзыва

Никитина Елена Николаевна

адрес: Москва, Качалинская 7-8

электронная почта: yelenon@mail.ru.

место работы: ООО Компьютерные системы ЛКС; Москва 101000 Хохловский пер., д. 7; info@lksystems.ru; http://lksystems.ru

Список статей оппонента, близких к теме диссертации соискателя

Конструкции с именительным и творительным предикативным в русском языке (к проблеме взаимодействия грамматической категории) // Вопросы языкознания. 2011. №6. С. 3 – 28.

«Бывают странные сближения» (о соединении несоединимого в художественных текстах) // Русская речь. 2012. №5. С. 24 – 30.

Категория субъекта и неопределенно-личные предложения // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 2012. №4. С. 25 – 34.

Категория действия и эмотивно-оценочная сфера в речи детей младшего школьного возраста (на материале школьных сочинений) // Проблемы онтолингвистики — 2012: материалы международной научной конференции, посвященной 130-летию со дня рождения К.И. Чуковского... СПб, 2012.

Вид и время глаголов речи и наблюдения в художественном тексте // Русская речь. 2012. №4. С. 43 – 50.

Субъектные нули и перцептивный модус (К вопросу о выражении категории эвиденциальности в русском языке) // Вопросы языкознания. 2013. №2. С. 69 – 82.

Еще раз о деепричастиях в неопределенно-личных предложениях // Русский язык в научном освещении. 2012. № 24. С. 23 – 41.

Признаюсь в текстах и словарях: проблема выбора вида и времени // Известия ОЛЯ. 2013. №6. С. 47 – 55.

Именные предложения в «ночных» стихотворениях // Русская речь. 2013. №4. С. 13-17.

Видо-временные формы рамочных глаголов в русском нарративе XIX – XXI вв. // Русский язык в научном освещении. 2014. №2

Еще раз о родительном субъектном // Русская словесность. 2014. №3.